

УДК 930.85:94(4)"1917/1921"

doi 10.17072/2219-3111-2018-1-159-164

ВЕСТИМЕНТАРНЫЕ КОДЫ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1921 ГОДОВ

И. К. Кирьянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
ikiryanov@yandex.ru

Статья посвящена вестиментарной истории российской революции 1917–1921 гг. Последовательность «пиджак – френч – кожанка», отражающая эволюцию революционной моды и одежной стилистики власти, представляется корректной не столько хронологически, сколько семиотически. Пиджак оказался частью первого официального костюма власти после падения монархии и вследствие того, что представители имперской парламентской субэлиты и социалистической контрэлиты вошли в новые государственные институты в привычной для себя одежде, и в силу того, что пиджак, получивший еще в конце XIX в. распространение среди мужчин самых разных сословий, символизировал тем самым одну из базовых ценностей революции – гражданское равенство. Милитаристский стиль для многих политиков не только был данью военному времени, но и демонстрировал потребность в решительных действиях для достижения задач революции. Распространенность кожаных военных тужурок на социалистическом этапе революции объясняется как сугубо утилитарно (огромные запасы кожанок на интендантских складах, практичность данного типа одежды в холодных условиях поздней осени и зимы 1917 г.), так и символически (связыванием кожи с насилием). Для большевиков насилие выступало важным инструментом не только разрушения старого, но и сотворения нового мира. Определяющей в эволюции одежной стилистики власти в 1917 г. оказалась роль первого вождя революции – А. Ф. Керенского, уделявшего в своей репрезентационной тактике весьма существенное внимание манере одеваться. Впоследствии законодателями революционной моды становятся большевистские вожди – В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий.

Ключевые слова: вестиментарная история, российская революция 1917–1921 гг., дресс-код, одежная стилистика власти, пиджак, френч, кожанка.

История многих социальных движений демонстрировала то, что их участники использовали одежду или аксессуары к ней в качестве политической символики и идентификационного маркера (желтые повязки в восстании против ханьской династии в Китае, гезы в период нидерландской революции конца XVI в., санкюлоты во времена Великой французской революции). В последние десятилетия сюжеты, связанные с политизацией одежды в прошлом, все чаще становятся предметом научного анализа. Так, давняя традиция изучения вестиментарной истории Великой французской революции обогатилась появлением «букваря» «одежды свободы», составленного Н. Пельгрэн [Pellegrin, 1989], анализом роли одежды в представлении новых социально-политических идентичностей у Р. Ригли [Wrigley, 2002] и поиском «акта политического рождения брюк» у К. Бар [Bard, 2010].

Применительно к событиям 1917 г. в России следует выделить монографические исследования Б. И. Колоницкого, в которых петербургский историк, отмечая определенные новшества в одежной стилистике власти, основное внимание сосредоточил на изменениях в армейской и морской форме [Колоницкий, 2001, 2012]. Сюжет о внешнем виде А. Ф. Керенского, эволюции его манеры одеваться в 1917 г. нашел место и в новой работе Б. И. Колоницкого [Колоницкий, 2017, с. 166–171].

Это может показаться неожиданным, но одежным символом падения монархии выступил пиджачный костюм, о чем свидетельствует следующая деталь в событиях 2 марта 1917 г. За актом об отречении монарха в Псков, где был остановлен императорский поезд, от Временного комитета Государственной Думы прибыли октябрист А. И. Гучков и националист В. В. Шульгин. По дороге Шульгина мучила «совсем глупая» мысль: «Мне было неприятно, что я являюсь к Государю небритый, в смятом воротничке, в пиджаке...» (Шульгин, 1989, с. 250). Кто-то из свиты, прощаясь с В. В. Шульгиным у вагона отрекшегося императора, сказал: «Вот что, Шульгин, что там будет

когда-нибудь, кто знает. Но этого “пиджачка“ мы вам не забудем» [Иоффе, 2006, с. 201]. И не забыли. В частности, вдова великого князя Михаила Александровича, княгиня Н. С. Брасова, говорила видному деятелю эмиграции М. С. Маргулиесу о том, что В. В. Шульгин «нарочно не брился» и «надел самый грязный пиджак», когда «ехал к Царю, чтобы резче подчеркнуть свое издевательство над ним» [Мельгунов, 1961, с. 233, прим.].

С. П. Мельгунов, современник событий, ставший их историком, комментируя данный эпизод, заметил, что В. В. Шульгин, «имевший, вероятно, несколько потрепанный вид после псковских перипетий, не избег обвинений в демагогической приспособляемости ко вкусам толпы» [Там же]. Между тем историк не учитывал того обстоятельства, что пиджак уже с десятков лет до описываемых событий выступал вариантом дресс-кода для отечественных публичных политиков. Его политическая примерка в России состоялась 27 апреля 1906 г. – в день открытия заседаний Государственной Думы, когда часть депутатов, стремясь подчеркнуть независимость нижней палаты отечественного парламента от самодержавия, явилась на торжественный прием в Зимний дворец в неформатных для официальных мероприятий пиджачных костюмах, среди которых современникам особенно запомнился «серый домашний пиджак» князя Г. Е. Львова (*Оболенский*, 1925, с. 2).

Пиджачный костюм стал едва ли не обязательной формой одежды для государственных служащих сразу же после падения монархии и превратился в символ демократичности новой власти в период деятельности Временного правительства первого состава. По характеристике А. Ф. Керенского, это правительство было «в своем обиходе, в своих выступлениях слишком скромная, слишком простая, слишком доступная власть, <...> власть в пиджаке» (*Керенский*, 1925, с. 2).

Следует отметить, что 4 марта П. Н. Милуков, желавший как можно скорее вступить в управление министерством иностранных дел, распорядился пригласить на следующий день товарищей министра, директоров департаментов и начальников политических отделов на собрание в ведомство, где он намеревался представиться им в качестве нового руководителя, при этом чиновникам предписывалось явиться именно в пиджачных костюмах (*Лопухин*, 2009, с. 294). По воспоминаниям В. Д. Набокова, Мариинский дворец, в котором заседало до июня 1917 г. Временное правительство, «подвергся радикальному “опрощению“: В его роскошные залы хлынули толпы лохматых, небрежно одетых людей, в пиджаках и косоворотках самого пролетарского вида. Великолепные лакеи, сменив ливреи на серые тужурки, потеряли всю свою представительность» (*Набоков*, 1991, с. 73). Контрадмирал А. Д. Бубнов, вспоминая о первой встрече в Малахитовом зале Зимнего дворца недавно назначенного Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова с министрами Временного правительства, отмечал: «Одеты они были более чем небрежно и походили скорей на рабочих, чем на интеллигентных людей» (*Бубнов*, 1995, с. 153).

«Доступность» власти, привлекательная для толпы на первых порах, по мнению многих современников, в скором времени стала умалять ее авторитет среди бывших подданных российского императора, в одночасье ставших гражданами свободной России. Далеко не случайно в «Новом сатириконе» в мае – июне 1917 г. появилось два фельетона, в которых А. Т. Аверченко и И. Я. Гуревич высмеивали внешний вид представителей демократического правительства, подчеркивая то, что обыватель в России привык к совершенно иному облику власти, намекая тем самым на сшибку архаики и новаций в политической культуре революционной поры.

И. Я. Гуревич от лица жены видного сановника старого режима выражал удивление следующего свойства: «Я могу все понять, но не понимаю только, как это жена министра допускает, чтобы он появлялся всюду в простой рабочей куртке. <...> Если у него нет камергерского мундира, то фрак же он может сшить! <...> Если у него нет лент, звезд и орденов, то он может же выхлопотать у французского или американского президента» (*Гуревич*, 1917, с. 12). А. Т. Аверченко в свою очередь иронизировал: «Вы помните, что такое были министры старого, проклятого Богом и людьми режима? Помните, какими они Юпитерами, какими Зевсами громовержцами держались. Перед ними ходили на цыпочках, перед ними склонялись. <...> В чем же дело?! Я вам скажу, только вы на меня не обижайтесь: все дело было в их мундирах, орденах, лентах и золотом шитье. И когда они в таком чучельном виде выходили перед толпой, все почтительно склоняли перед ними головы, и по рядам несся благоговейный шепот: “Министр идет,

министр”. И важно проходил этакий позолоченный идол с каменным лицом, весь расцвеченный разноцветными балаболками, ленточками, крестиками, расшитый, расписанный, разрисованный – точь-в-точь та знаменитая писаная торба, которая, по свидетельству пословицы, так мила дурню. Граждане! Товарищи! Братья! Сделайте вывод: раз коллективному всероссийскому дурню нужна писаная торба (ибо неписаную он пренебрежительно тычет сапогом при каждом удобном случае) – так дайте ему эту “писаную торбу”. Министры, снимайте ваши скромные рабочие куртки, которые так умиляли первое время – снимайте свои затрапезные пиджаки! <...> Свободные русские товарищи еще не доросли до того, чтобы уважать благородную бедность наряда. Они недостойны этого символа братского единения с ними» (*Аверченко, 1917, с. 7*).

Между тем А. Ф. Керенский, экспериментируя со своим внешним видом, нашел принципиально иной вариант для вождя революции. Почитатель элегантного пиджака в бытность депутатом Государственной Думы, он в первые же дни революции стремительно «демократизировал» свой костюм. Данный «исторический» момент В. Д. Набоков датирует уже 2 марта: «Помню один его странный жест. Одет он был, как всегда (т.е. до того, как принял на себя роль “заложника демократии” во Вр. Правительстве): на нем был пиджак, а воротничок рубашки – крахмальный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился, вместо франтовского, какой-то нарочито-пролетарский вид» (*Набоков, 1991, с. 16*).

Вскоре Керенский отказался от пиджака, облачившись в полувоенную темную тужурку. Это переодевание Б. И. Колоницкий со ссылкой на дневниковую запись атташе французского посольства Л. де Робьена: «Одет он был в куртку, застегнутую до шеи, без твердого воротничка или галстука: не буржуа, не рабочий, не солдат», – интерпретирует как репрезентацию «надклассовости» нового облика власти [*Колоницкий, 2017, с. 169*].

Во время первой своей поездки на фронт в качестве военного министра он впервые примерил короткий военный френч английского образца. Позднее П. Н. Милюков, сравнивая внешний облик двух «революционных премьеров», признал преимущество за А. Ф. Керенским: «Надо признать, что выбор кн. Львова главой революционного правительства был столько же неудачен, сколько он был в свое время неизбежен. Гамлетовская нерешительность, прикрытая толстовским непротивленчеством и облеченная в слащаво-елейный официально-оптимистический стиль – это было прямо противоположно тому, что требовалось от революционного премьера. Керенский понял эту роль лучше. Он говаривал, что массы не умеют признавать власть “в пиджаке”. Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремящий голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую рубленную речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях» (*Милюков, 1927, с. 82*) (Ср. у В. В. Маяковского в поэме «Хорошо»: «Глаза у него Бонапарты и цвета защитного френч».).

В российской армии китель–френч, имевший четыре накладных кармана с плоской складкой, появился в 1915 г. Данный тип военного обмундирования получил распространение среди гражданского населения во второй половине 1916 г. [*Хорошилова, 2012, с. 456*], но стал модным во многом благодаря популярности А. Ф. Керенского. Так, в сентябре 1917 г. дамский «Вестник моды» поместил выкройку мужского жакета, представлявшего собой адаптированный к городским условиям френч, который отличался от классического образца более приталенным кроем и отсутствием нагрудных карманов (*Вестник моды, 1917, № 19–20, с. 248, рис. 78*) [*Демиденко, 2017, с. 123*]. Впрочем, сам Керенский после корниловского мятежа все чаще появлялся на публике в пиджачном костюме. На это обратил внимание В. М. Пуришкевич в своем стихотворении «Зеркала», опубликованном в «Народном трибуне» 14 сентября:

Зеркала в тиши печальной
Зимнего дворца
Отражают лик нахальный
Бритого лица.
В каждом зале, без отличья
В каждом уголке
На свое глядит величье
Некто в пиджаке (Цит. по [*Иванов, 2011, с. 334*]).

Одним из последователей милитаристского одежного стиля Керенского стал И. В. Сталин. Вероятно, в дни работы VI съезда РСДРП(б) будущий «вождь народов», выступивший с отчетным докладом ЦК и получивший наибольшее количество голосов из кандидатов, участвующих (первую тройку составили отсутствовавшие на съезде В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий) в выборе руководящего партийного органа, впервые примерил военную тужурку, или френч, по крайней мере, на фотографиях более раннего времени Сталин представлен в другом костюме. Э. С. Радзинский предложил следующую художественную интерпретацию данного сюжета в начальной части своей трилогии о Сталине, в главе «Коба примеряет костюм вождя»:

«Перед съездом выяснилось, что из одежды у него есть только ситцевая рубашка и старый лоснящийся, потертый пиджак. Он жил тогда у Аллилуевых. Постаревшая красавица мать Нади сказала решительно:

– В таком виде съезд проводить нельзя. Вы ведь теперь за главного.

Коба не удержался, важно улыбнулся.

Мать вместе с Надей отправились покупать костюм, рубашку и галстук.

Коба в новом костюме на голое тело стоял у зеркала. По обе стороны – Надя с галстуком и мать с рубашкой.

– Не надену, – твердил Коба. – Не уговаривайте! <...> Вот если бы придумать что-нибудь военное. Ведь мы начали великий поход. Поход за мировой Революцией... Сапоги и френч – вот что надо!

– Ну, это нетрудно, – обрадовалась мать Нади. – Мы вставим бортики у горла, выйдет наподобие френча Керенского.

Уже через день Коба стоял у зеркала в полувоенном френче и сапогах. И, глядя в зеркало, произносил речь:

– Мы выступили в поход – уничтожить старый мир. И создать новое небо и новые берега. Как учит нас товарищ Христос, “Я победил этот мир” <...>

Итак, у него было короткое имя, столь удобное для криков толпы – Сталин. И полувоенный костюм Вождя, с которым можно делать Историю...» [Радзинский, 2012, с. 252–253].

Милитаристский стиль одежды станет доминирующим в среде большевистского руководства: постоянно носил френч И. В. Сталин, время от времени в него переодевался В. И. Ленин. (Кстати, до эвакуации в Тюмень именно во френче тело советского вождя находилось в мавзолее.) Устрашающую символику приобрели кожаные куртки, в которые облачились не только представители силовых структур новой власти («наганно-кожаные личности» в «Даре» у В. В. Набокова или знаменитая «кожаная сотня» Л. Д. Троцкого.), но и многие советские лидеры той поры, в частности, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский.

Последовательность «пиджак – френч – кожанка», отражающая эволюцию революционной моды, представляется корректной не столько хронологически, сколько семиотически. Так, В. И. Ленин и В. М. Молотов на протяжении всех революционных лет донашивали свои старые пиджаки; В. М. Пуришкевич, будучи облаченным в военную тужурку, произнес 19 ноября 1916 г. свою знаменитую думскую речь о «темных силах»; уже 28 февраля 1917 г. известным отечественным фотомастером Я. В. Штейнбергом на нескольких снимках запечатлен милиционер в кожаной куртке и форменной фуражке студентов Технологического института.

Пиджак оказался первым официальным костюмом власти после падения монархии и вследствие того, что представители имперской парламентской субэлиты и социалистической контрэлиты вошли в новые государственные институты в привычной для себя одежде, и в силу того, что пиджак, получивший еще в конце XIX в. распространение среди мужчин самых разных сословий, символизировал тем самым одну из базовых ценностей революции – гражданское равенство.

Милитаристский стиль для многих политиков не только был данью военному времени, но и демонстрировал потребность в решительных действиях для достижения задач революции. Например, член Государственного Совета по выборам Н. П. Савицкий, назначенный 24 марта первым штатским главначальствующим Архангельска и Беломорского водного района, получил прозвища «тормоз Вестингауза» и «человек в пиджаке» за нерешительность и нерасторопность, свойственные, по мнению военных, в делах управления гражданским лицам (см. [Новикова, 2011, с. 49–50]). В свою очередь распространенность кожаных военных тужурок на социалистическом

этапе революции объясняется как сугубо утилитарно (огромные запасы кожанок на интендантских складах, практичность данного типа одежды в холодных условиях поздней осени и зимы 1917 г.), так и символически (связыванием кожи с насилием). Для большевиков насилие выступало важным инструментом не только разрушения старого, но и сотворения нового мира.

Список источников

- Аверченко А.* Взбунтовавшиеся рабы // Новый сатирикон. 1917. № 21. С. 7.
Бубнов А. Д. В Царской ставке. СПб.: Облик, 1995. 170 с.
Гуревич И. Удивление // Новый сатирикон. 1917. № 16. С. 12.
Керенский А. О князе [Г. Е. Львове] (отрывок) // Дни (Берлин). 1925. № 713. 12 марта. С. 2
Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / отв. ред., вступ. ст. С. В. Куликов, подгот. текста и коммент. С. В. Куликова, Д. Н. Шилова. СПб.: Нестор-История, 2009. 540 с.
Милуков П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Париж: Б. и., 1927. Т. 1. 400 с.
Набоков Влад. Временное правительство // Архив русской революции. М.: Terra-Политиздат, 1991. Т. 1, кн. 1. С. 9–96.
Оболенский В. О князе Львове // Последние новости. 1925. № 1526. 16 апреля. С. 2–3.
Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989. 559 с.

Библиографический список

- Демиденко Ю.* Петроград. Мода. 1917 // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. № 45. С. 111–125.
Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт политической биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 441 с.
Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин. 1878–1976 // Новый журнал. 2006. Кн. 242. С. 189–201.
Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 г. СПб.: Остров, 2001. 84 с.
Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России, 2012. – 336 с.
Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимоноархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 г.). М.: Нов. лит. обозрение, 2017. 520 с.
Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. Париж: Б. и., 1961. 453 с.
Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М.: Нов. лит. обозрение, 2011. 384 с.
Радзинский Э. Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Начало. М.: Астрель, 2012. 204 с.
Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II. М.: Этерна, 2012. 464 с.
Bard C. Une histoire politique du pantalon. Paris: Seuil, 2010. 392 p. (Рус. изд.: *Бар К.* Политическая история брюк. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. 320 с.)
Pellegrin N. Les Vêtements de la liberté. Abécédaire des pratiques vestimentaires françaises de 1780 à 1800. Aix-en-Provence: Alinéa, 1989. 207 p.
Wrigley R. The Politics of Appearances: Representations of Dress in Revolutionary France. New York: Berg, 2002. 332 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.12.2017

VESTIMENTARY CODES OF POWER IN THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917-1921

I. K. Kiryanov

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
ikiryanov@yandex.ru

The article is devoted to the vestimentary history of the Russian revolution of 1917-1921. The sequence of “suit jacket – army jacket – leather jacket», reflecting the evolution of revolutionary fashion and clothing style of power, seems correct not so much chronologically, as semiotically. Suit jacket turned out to be the first official suit of power after the fall of the monarchy. It was due to the fact that the representatives of the imperial parliamentary sub-elite and socialist counter-elite entered new state institutions in their usual clothes. At the same time, the suit jacket received a distribution among men of different classes and thus symbolized civil equality as a basic value of the revolution. For many politicians, the militaristic style was not only a tribute to wartime, but also a demonstration of the need for decisive actions to achieve the tasks of the revolution. In its turn, the prevalence of leather mess jackets during the socialist stage of the revolution is explained both by purely utilitarian reasons (huge stocks of leather jackets at quartermaster warehouses, practicality of this type of clothing in the cold conditions of late autumn and winter of 1917, etc.), and by historical symbolism (associating leather with violence). For the Bolsheviks, violence was an important tool not only for destroying the old world, but for creating the new one as well. The role of the first leader of the revolution Kerensky became defining in the evolution of the clothing style of power in 1917. Kerensky paid a very significant attention to the manner of dressing in his representative tactics. Subsequently, the Bolshevik leaders, such as Lenin, Stalin, Sverdlov, and Trotsky, became the legislators of the revolutionary fashion.

Key words: vestimentary history, the Russian Revolution of 1917-1921, dress code, clothing style of power, suit jacket, army jacket, leather jacket.

References

- Bard, C. (2010), *Une histoire politique du pantalon*, Seuil, Paris, France, 392 p.
- Demidenko, Yu. (2017), “Petrograd. Fashion. 1917”, *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura*, No 45, pp. 111–125.
- Ioffe, G. (2006), “Vasiliy Vitalyevich Shul'gin. 1878–1976”, *Novyy zhurnal*, No 242, pp. 189–201.
- Ivanov, A. A. (2011), *Vladimir Purishkevich: Opyt politicheskoy biografii pravogo politika (1870-1920)* [Vladimir Purishkevich: Experience of political biography of the right-wing politician (1870-1920)], Al'yans-Arkheo, Moscow – St. Petersburg, Russia, 441 p.
- Khoroshilova, O. A. (2012), *Kostyum i moda Rossiiskoy imperii. Epokha Nikolaya II* [Costume and fashion of the Russian Empire. The Age of Nicholas II], Eterna, Moscow, Russia, 464 p.
- Kolonitskiy, B. I. (2001), *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu* [Shoulder straps and the struggle for power in 1917], Ostrov, St. Petersburg, Russia, 84 p.
- Kolonitskiy, B. I. (2012), *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiiskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: to the studies of the political culture of the Russian revolution of 1917], *Liki Rossii*, St. Petersburg, Russia, 336 p.
- Kolonitskiy, B. I. (2017), “*Tovarishch Kerenskiy*”: *antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta “vozhdya naroda” (mart — iyun' 1917 goda)* [“Comrade Kerensky”: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people” (March-June 1917)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 520 p.
- Mel'gunov, S. P. (1961), *Martovskie dni 1917 goda* [The March days of 1917], w. p., Paris, France, 453 p.
- Novikova, L. G. (2011), *Provintsial'naya «kontrrevolyutsiya»: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voyna na russkom Severe, 1917–1920* [Provincial “counterrevolution”: White movement and the Civil War in the Russian North, 1917-1920], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 384 p.
- Pellegrin, N. (1989), *Les Vêtements de la liberté. Abécédaire des pratiques vestimentaires françaises de 1780 à 1800*, Alinéa, Aix-en-Provence, France, 207 p.
- Radzinskiy, E. (2012), *Apokalipsis ot Koby. Iosif Stalin. Nachalo* [Apocalypse from Koba. Joseph Stalin. The start], *Astrel'*, Moscow, Russia, 204 p.
- Wrigley, R. (2002), *The Politics of Appearances: Representations of Dress in Revolutionary France*, Berg, New York, USA, 332 p.